

О. А. Дроздов

К. К. ГАТТЕНБЕРГЕР О СОЗДАНИИ ДЕНЕГ КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ*

Современная экономическая наука рассматривает изменения денежного предложения не только как результат эмиссионной деятельности центральных кредитных учреждений государств, но и как следствие создания денег коммерческими банками. Процедура наращивания депозитов и механизм умножения платежеспособных средств при изменении нормы обязательных резервов составляют «тело» концепции денежно-кредитного мультипликатора. Однако эндогенность предложения денег признана не так уж и давно. По оценке Й. Шумпетера, еще в 1920-е годы 99 из 100 экономистов полагали, что банки – всего лишь посредники, ничего не добавляющие к денежной массе. Политика же обязательных резервов укоренилась в числе основных инструментов монетарной политики уже после Второй мировой войны.**

Между тем еще Дж. Ло отмечал, что использование кредита позволяет увеличить массу денег в обращении за год больше, чем «самая цветущая торговля» за десятилетия. Упомянул о возможностях кредитных институтов по расширению денежного обращения и А. Смит. В частности, у него банки замещают в обороте деньги, непосредственно выпускающая банкноты, используя операции текущих счетов и учета векселей. Кроме того, у Смита имеется и простейшая схема размножения денег при ссуде денежного капитала (однако без участия банков).¹

Согласно В. К. Бурлачкову, уже Дж. Милль «поставил вопрос об эффекте мультипликации денежной массы».² Наконец, в 1845 г. в Англии прямо провозглашалось: «Бесспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые вы сегодня депонировали у *A*, завтра будут снова выданы и составят вклад у *B*. Послезавтра они могут быть снова выданы *B*, депонированы у *C* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же сумма денег в

* Гаттенбергер Константин Константинович (1844–1893 гг.) – российский экономист, профессор Императорского Харьковского университета. Педагогическую деятельность начал в 1867 г. в качестве приват-доцента кафедры полицейского права указанного Университета. Перу К. К. Гаттенбергера принадлежат 4 монографии («Влияние русского законодательства на производительность торгового банковского кредита» (Харьков, 1870); «Законодательство и биржевая спекуляция» (Харьков, 1872); «Венский кризис 1873 года» (СПб., 1877); «Австрийские сберегательные кассы и австрийский почтовый банк» (СПб., 1891) и ряд статей.

** Хотя в США уже с 1913 г. банки – члены ФРС страны были обязаны размещать в соответствующих банках резервы в объеме 3–13% от суммы вкладов (в зависимости от вида депозита), собственно управление кассовыми резервами кредитных организаций стало применяться лишь с триумфом доктрины «управления деньгами» (1920-е годы). Ее приверженцы полагали, что все денежные средства, аккумулированные банками (за исключением кассового резерва), всегда полностью размещаются ими в ссуды и ценные бумаги. Идея приводила к выводу о возможности и целесообразности направленных воздействий на кассовые резервы банков для изменения объема кредитных операций и денежного обращения.

ДРОЗДОВ

Олег Александрович

– канд. экон. наук, доцент, докторант Пушкинского военного института радиозлектроники Космических войск (ПВИРЭ КВ). В 1994 г. окончил педагогический факультет Гуманитарной академии Вооруженных Сил (ГА ВС); кандидатскую диссертацию защитил в 1998 г. Автор более 90 научных и учебно-методических публикаций. Сфера научных интересов – история российской экономической мысли, теории денег и кредита.

© О. А. Дроздов, 2005

1 000 ф. ст. может посредством ряда передач умножиться до абсолютно неограниченной суммы вкладов».³

Решающую роль в осознании феномена создания денег банковской системой, по видимому, сыграла полемика между банковской и денежной школами в первой половине XIX в., в ходе которой, среди прочих, обсуждался и вопрос о составе денежной массы. Сторонники денежной школы (Р. Торренс, Дж. Норман и др.) вслед за Д. Рикардо всячески подчеркивали уникальность металлических денег, заявляли о неспособности эффективного замещения денег из драгоценных металлов какими-либо другими орудиями, кроме банкнот. На этом основании они включали в число элементов денежного обращения лишь полноценные деньги и банковские ноты. Такой подход, понятно, не создавал условий для формирования правильных представлений о конкретном механизме участия банковских учреждений в изменении предложения денег.

Банковская школа настаивала на возможности успешного выполнения ряда денежных функций широким классом кредитных орудий. Соответственно у ее представителей (Т. Тук, Дж. Милль, Дж. Фуллартон и др.) металлические деньги имеют достаточно близкие заменители – кредитные деньги (банкноты, векселя, чеки). К тому же ряд признанных экономистов – Дж. Стюарт, С. Ньюкомб, Г. Маклеод – прямо причислили к деньгам банковские депозиты и базирующиеся на них платежные средства.* Более того, по свидетельству Г. Маклеода, в Англии остатки на банковских счетах («сумма, записанная на кредит клиента по книгам его банкира») рассматривались в качестве денег даже в «правительственных сферах».⁵ Все это закладывало теоретический фундамент для исследования процедуры увеличения денежного предложения на основе расширения банковских депозитов при предоставлении ссуд агентам экономики. Однако, как известно, исторический спор между указанными противоборствующими теоретическими направлениями завершился победой денежной школы. Победа эта на многие годы (до начала XX в.), наряду с главными принципами организации денежного обращения, предопределила основное течение монетарных исследований, в которое анализ внутренней структуры феномена депозитно-кредитной экспансии банков не вошел.

Подчеркнем, что широкая трактовка денежной массы была воспринята рядом российских экономистов – А. Я. Антоновичем, В. П. Безобразовым, П. И. Георгиевским, И. И. Иванюковым, С. И. Иловайским, И. И. Кауфманом и др.⁶ В частности, И. И. Иванюков, следуя в этом вопросе за Г. Маклеодом, утверждал: «Банковые билеты, чеки, векселя, записи в торговые книги и вообще все материальные знаки, которые обращают товары, следует рассматривать как деньги».⁷

Основой для уяснения содержания связи между операциями кредитных учреждений и денежным предложением могла бы послужить и собственно капиталотворческая (экспансионистская) теория кредита, четко сформулированная на рубеже 1840–1850-х годов. Согласно учению Г. Маклеода, кредит, капитал и деньги тождественны.** Отсюда прямо напрашивался вывод: банки создают деньги, причем не только выпуская банкноты,

* По мнению Г. Маклеода, существуют три вида орудий обращения:

«1) Чеканенная монета; золото, серебро и медь.

2) Бумажные денежные знаки, относя сюда платежные обязательства или расписки... и переводные векселя..., со всеми их видоизменениями.

3) Простые долги разного рода, каковы: счета у банкиров, долги купцов по торговым книгам и частные долги отдельных лиц». И далее он писал: «Балансы банкиров, очевидно, представляют часть денежной системы, или вид орудий обращения, потому что цифры здесь изображают соверены».⁴

** «Все товары обращаются или посредством капитала, или посредством кредита; следовательно, – подчеркивал Г. Маклеод, – капитал и кредит составляют орудия обращения». Кредит, продолжал он, «исполняет те же обязанности, как и деньги; поэтому, пока производство продолжается, кредит, во всех отношениях, бывает равносильен деньгам».⁸

но и должным образом размещая аккумулированные в депозитах средства клиентов. Но, как известно, в фокусе анализа Г. Маклеода и других экспансионистов находилась проблема «фабрикация» капитала, а не процедура расширения предложения денег.

Во второй половине XIX столетия идеи капиталотворческой теории кредита, особенно в изложении Г. Маклеода, обсуждались и в России. Этому в немалой степени способствовали перевод на русский язык и издание в 1865 г. его произведения «Основания политической экономии», а также публикация исследований М. П. Веселовского, Ю. Г. Жуковского и И. И. Иванюкова, посвященных доктрине этого признанного лидера экспансионизма.⁹ Выражая одно из полярных мнений, бытовавших тогда в среде ученых, И. И. Иванюков положительно оценивал отдельные стороны учения Г. Маклеода, однако в целом характеризовал теорию кредита последнего как «плод крайнего заблуждения».¹⁰

Капиталотворческая теория кредита оказала определенное влияние на российских ученых: некоторые ее положения были усвоены и пропагандировались А. Я. Антоновичем, И. И. Кауфманом и другими профессиональными отечественными экономистами. Однако в экономической науке до 1920-х годов все-таки преобладал основной постулат натуралистической теории кредита: банки – простые медиаторы между агентами экономики.

В такой атмосфере формировалось научное мировоззрение будущего профессора Харьковского императорского университета К. К. Гаттенбергера. В своих произведениях он непременно стремился к творческому синтезу устоявшихся в научном сообществе взглядов и новейших теоретических подходов. Эта характерная черта исследователя проявилась в первой же его монографии «Влияние русского законодательства на производительность торгового банковского кредита». В этом труде он выступил и сторонником расширительной трактовки денежной массы (это, несомненно, влияние банковской школы), и приверженцем жесткой связи между переменами в товарных ценах и изменениями количества денег в обращении (концептуальное положение денежной школы); банковская система у него, как и у экспансионистов, имеет большое значение для народного хозяйства, однако банки не могут создавать ни одной «йоты» реального капитала, а являются лишь посредниками «между капиталистами и предпринимателями» (ключевой тезис основателей и последователей натуралистической теории кредита). И именно в этом труде К. К. Гаттенбергер продемонстрировал модель мультипликации денег банками.

Идеи вышеуказанных доктрин нашли свое воплощение в ключевом тезисе К. К. Гаттенбергера: банки «увеличивают предложение орудий обмена, заменяя звонкую монету кредитными орудиями обмена всех родов: банковыми билетами, чеками, цифрами или просто ускоряя обращение денег, и ставят таким образом наряду со звонкою монетою орудия, исполняющие те же обязанности...»¹¹ Для нас же в контексте поднятой в статье проблемы важен прежде всего его анализ создания банками «новых орудий обмена в форме чеков или цифр, переносимых из одной графы текущих счетов в другую».¹² Раскрывая это базисное представление, К. К. Гаттенбергер исходил из следующего. В практике банковской деятельности активно применяются текущие счета, на которых, говорил он, размещаются кассовые «запасы» (остатки) – те денежные средства, которые клиентам кредитных учреждений («предприятиям всякого рода») оказывается необходимо и даже выгодно держать на подобных счетах. Происхождение и цель использования этих денежных средств различны. В частности, указывал экономист, это могут быть средства для «ежедневных расплат»; платежи, полученные по завершении операции с контрагентами, но еще не инвестированные в производство (не помещенные «в какое-нибудь другое предприятие») и др. Все денежные средства, размещенные на текущих счетах, объединяет то, что они являются «бессрочными вкладами», которые клиентами банков используются не «одновременно» и не полностью. Некоторая часть этих средств всегда является свободной и

может быть кредитными учреждениями «затрачена на что-нибудь другое», а не лежать мертвым грузом в кассах. Итак, банк (если вести речь о совокупности подобных депозитов) в каждый данный момент может самостоятельно, исключительно по собственному усмотрению размещать некоторую часть денежных средств клиентов. Какая же часть совокупных пассивов могла бы постоянно находиться в распоряжении банка для его «помещений», а какая пребывать в качестве резерва для операций с клиентами-владельцами денежных средств, определяется каждым банком «по опыту». Поэтому именно на основе операций текущих счетов любой банк, утверждал он, способен «давать своим дебиторам более, нежели он получает от своих кредиторов» – созданием тех самых новых кредитных орудий обмена.

Механизм же создания денег у К. К. Гаттенбергера выглядит следующим образом. Привлекая на текущие счета «бессрочные капиталы», некоторую их часть («свободную»), известную «по опыту», банки вполне могут использовать в деловых операциях, размещая среди новых клиентов (из основных направлений вложений банков исследователь выделял: учет векселей и «процентных бумаг», разнообразные ссудные операции и «открытие кредита, основанного на личном доверии»). Новые клиенты, получив ссуду и «предвидя необходимость использования ее по частям», в свою очередь размещают эти денежные средства в том же самом банке. Но на деле никаких перемещений денежных знаков из кассы кредитного учреждения в руки дебиторов и наоборот не происходит «во избежание траты времени и денег»; новая ссуда лишь фиксируется на счете нового клиента. Итак, «вся операция оканчивается без участия даже одного шиллинга монеты, простым трансфертом, перепискою цифры из пассива банка в текущий счет клиента».¹³ Подобная операция может повторяться множество раз (по К. К. Гаттенбергеру – не бесконечно много) и повлечет значительное увеличение кредитных орудий обмена.

Для иллюстрации процедуры мультипликации денег банками К. К. Гаттенбергер обратился к гипотетическому примеру, в котором на текущем счете коммерческого банка размещено 100 руб. «бессрочного капитала» (табл. 1); при этом эмпирически уже выявлена целесообразность и необходимость «сохранения в кассе» (т. е. поддержания в качестве резерва) для своевременных расчетов с экономическими субъектами $\frac{1}{4}$ суммы (т. е. 25 руб.).

Таблица 1. Модель («схема») увеличения денег коммерческим банком (подход К. К. Гаттенбергера)

Операция	«Касса» (обязательные резервы)(руб.)	Текущие счета дебиторов (руб.)
	100,00	0,0
1-я	18,75	75,00
2-я	14,06	56,25
3-я	10,54	42,19
4-я	07,91	31,65
5-я	05,93	23,74
6-я	04,45	17,81
.....
25-я	00,02	00,09
26-я	00,01	00,07
Итого	74,98	289,57

Источник: Гаттенбергер К. К. Влияние русского законодательства на производительность торгового банковского кредита. Харьков, 1870. С. 94–95.

Значит, 75 руб. ($\frac{3}{4}$ размещенных средств) кредитное учреждение может использовать для максимизации прибыли. Если же все эти деньги, «затраченные в разных помещениях», вновь вернутся в банк (т. е. будут опять внесены на текущий счет в данном банке, иными словами – цифры будут просто перенесены из одних граф в другие), кредитное учреждение снова может пустить в оборот $\frac{3}{4}$ привлеченной суммы (т. е. 56 руб. 25 коп.). Таким образом, писал К. К. Гаттенбергер, коммерческий банк, имея лишь 100 руб. депозитов, «затрачивает 131 р. 25 к. (75 + 56 р. 25 к.), т. е. более, нежели получил, 31 р. 25 к.»¹⁴ Продолжая действовать на «тех же началах», кредитую агентов экономики и размещая их денежные средства на собственных текущих счетах, коммерческий банк и расширяет денежную массу.

Что же касается максимальной границы увеличения количества средств обмена, то она определяется некоторой величиной резерва «опытом доказанного». Но до «истощения всего капитала» банк способен многократно увеличить собственные счета – в примере К. К. Гаттенбергера и согласно его «схеме» – почти в 3 раза (со 100 руб. до 289 руб. 57 коп.).

Итак, перед нами действительно оригинальное описание процедуры мультипликации денег коммерческим банком.

Вместе с тем К. К. Гаттенбергер ясно осознавал, что способности банков к размножению денежных знаков на основе операций текущих счетов отнюдь не безграничны. Более того, согласно взглядам этого ученого, показанная им «система» может быть действенной лишь при соблюдении определенных условий, среди которых:

– насыщенность территории страны кредитными учреждениями и их «конторами»; такое распространение их, которое позволяет каждому агенту экономики «иметь банк под боком», а не «за десятки верст»;

– достаточное доверие как клиентов к институтам банковской системы, так и банков к кредитуемым;

– охват операциями текущих счетов «всего промышленного мира», участие в этих операциях большинства клиентов банков;

– достаточная подготовленность («развитие») агентов экономики, их «приученность» к кредитным операциям;

– прибыльность операции для самих банков;

– организация деятельности расчетных домов, обслуживающих банки (тем не менее в процедуру умножения денег они у К. К. Гаттенбергера не встроены);

– уже упомянутое ранее корректное определение величины резерва, обеспечивающего незамедлительное исполнение банком обязательств перед каждым клиентом;

– непрерывность процедуры последовательного привлечения и размещения средств на счетах в одном и том же банке.

Итак, как мы видим, не довольствуясь лишь утверждением о создании банковскими учреждениями платежеспособных средств, К. К. Гаттенбергер продемонстрировал внутренний механизм кредитной экспансии коммерческих банков. Подобный подход для российской экономической науки того периода не был характерным; насколько нам известно, никто из отечественных профессиональных экономистов до К. К. Гаттенбергера модель мультипликации банками денег не рассматривал. Его точка зрения не привлекла

* Отметим, что в этом вопросе российский ученый вовсе не был оригинален: на эти условия, но в контексте банковской деятельности вообще, давно указывали западноевропейские экономисты и банковские деятели, в том числе в ходе парламентских слушаний в Англии (первая половина XIX в.).

** Кстати сказать, этому условию во времена К. К. Гаттенбергера (согласно его же данным) удовлетворяли только отдельные регионы Англии и Шотландия. В последней, в частности, банк или его контора приходились на каждые 2 мили и на каждые 5000 человек. Однако же, свидетельствовал он, операции текущих счетов уже получают все большее развитие и в других странах и даже стали «вытеснять» банковские билеты.

внимание научного сообщества России, так как теоретиков (впрочем, как и практиков) в то время занимали совсем иные темы.

В настоящее же время вопрос мультипликативного расширения банковской системой денежной массы относится к числу достаточно разработанных (хотя и не решенных до конца),* а описание этой процедуры (чаще всего упрощенный ее вариант) встречается в большинстве учебников. Более того, концепция денежно-кредитного мультипликатора служит теоретическим обоснованием использования одного из важнейших инструментов монетарного регулирования экономики – политики обязательных (минимальных) резервов. Суть ее, как известно, заключается в том, что, регламентируя часть привлеченных банками денежных средств, размещаемых ими на специальных счетах Центрального банка (ЦБ), главный банк страны ограничивает способность мультипликативного расширения предложения денег институтами кредитной системы; изменяя же нормативы обязательных резервов, ЦБ либо инициирует увеличение денежной массы, либо тормозит ее прирост. К тому же признано, что влияние этого инструмента на кредитную систему (а через нее и на экономику в целом) очень существенно; ученые солидарны и в том, что применение этого метода монетарного регулирования целесообразно лишь в крайних случаях. Очевидно, что ситуация, сложившаяся в кредитной сфере России в июне–июле 2004 г., была действительно экстраординарной, поэтому разумным (хотя и явно запоздалым) следует считать решение Совета директоров Банка России от 7 июля 2004 г. о весьма существенном (на 50%!) снижении норматива обязательных резервов по обязательствам кредитных учреждений перед агентами экономики (с 7 до 3,5%) и о проведении внеочередного регулирования размера обязательных резервов для обратившихся в Банк России кредитных организаций.

Вместе с тем не стоит упускать из виду тот факт, что изменение норм обязательных резервов хотя и приводит к переменам в денежном предложении, но они вовсе не прямолинейны и не мгновенны. Более того, усилия денежной власти по увеличению денежной массы (к примеру, для предотвращения дефицита ликвидности) могут и не привести к желаемым результатам, если коммерческие банки не желают и не могут расширить кредитование, а вкладчики в спешном порядке изымают денежные средства из кредитных учреждений. В частности, в условиях кризиса доверия, охватившего банковскую систему нашей страны летом 2004 г., указанные выше меры ЦБ по снижению норм обязательных резервов в краткосрочном периоде оказались малоэффективными: при уменьшении суммы обязательных резервов по привлеченным кредитными организациями средствам с 1 июня по 1 июля 2004 г. на 11,99%, объемы предоставленных банками кредитов за тот же период возросли в валюте РФ лишь на 3,52%, в иностранной валюте – на 1,12%.¹⁵ Особые условия купировали каналы мультипликации денежной массы: создание новых депозитов замедлилось, а отдельные банки столкнулись с массовым ажиотажным изъятием денежных средств со счетов. Так, в июле 2004 г. вклады сократились: в «Банке Москвы» – на 7,2%, в «Альфа-банке» – на 1,3%, в «Росбанке» – на 4,5%, в банках «УралСиб» и «Возрождение» – соответственно на 0,8 и 9,7%.¹⁶ Не случайно поэтому денежная масса (M2, национальное определение) за июль 2004 г. снизилась на 1,4%, а ее компонент – безналичные средства – и вовсе уменьшился на 3,79%.¹⁷

Итак, способность банков участвовать в мультипликации денежной массы относится к числу потенций, которые отнюдь не всегда реализуются на практике так, как это прогнозируется денежной властью.

* Дискуссионным, в частности, остается вопрос о роли конкретных компонентов денежной базы в мультипликационном эффекте.

Однако с некоторыми суждениями К. К. Гаттенбергера согласиться трудно. В их числе – тезис о том, что «новые орудия обмена» создаются исключительно через депозиты, служащие основой для выписки чеков. Соответственно срочные депозиты в его трактовке новые деньги не создают, хотя и «увеличивают предложение орудий обмена».*

Действительно, роль текущих счетов в мультипликации денег велика и переоценить ее трудно. Не случайно в XX в. в практику денежно-кредитного регулирования постепенно внедрялось установление коэффициентов, определяющих количественное соотношение между легко реализуемыми активами и текущими счетами в балансах банков,** а также введение норм обязательных резервов в процентах от суммы текущих счетов коммерческих банков в ЦБ*** (или в самих банках). Но дело в том, что текущие счета и размещенные на них средства – лишь одна из составных частей средств, используемых кредитными учреждениями, а значит – только одно из звеньев феномена денежно-кредитного мультипликатора. Поэтому их роль в умножении ликвидных активов напрямую зависит от степени значимости обращения чеков в той или иной стране и даже в отдельных регионах государств. К примеру в нынешней России текущие счета влияют на изменение денежной массы не столь уж существенно, как, например, во Франции (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительное значение некоторых безналичных платежных инструментов (в % от общего количества безналичных транзакций, 2001 г.)

Страна	Чеки	Платежи дебетовыми и кредитными картами	Кредитовые переводы
Россия	0,2	4,5	93,8
Канада	25,5	57,1	9,5
Франция	35,4	30,0	17,8
Германия	2,3	11,3	49,8
Англия	23,5	36,6	17,7
США	53,5	38,3	5,0

Источник: Платежные системы в России. М., 2003. С. 61–62.

Вообще же роль чеков как платежных инструментов постепенно уменьшается: они вытесняются электронными деньгами. С 1997 по 2001 г. число операций с чеками в общем количестве безналичных транзакций уменьшилось: в США – с 69,3 до 57,7%, в Англии – с 34,5 до 23,5%, во Франции – с 46,7 до 35,4%.¹⁸ Аналогичные процессы характерны для Бельгии, Германии, Гонконга, Нидерландов, Швеции, Швейцарии и других государств. Можно определенно говорить, что и в дальнейшем значимость счетов, обеспечивающих обращение чеков, в мультипликации ликвидных активов будет постепенно понижаться.

Добавим еще и то, что на самом деле срочные депозиты являются более важным ресурсом для мультипликации элементов денежной базы. Хотя они по своей природе и

* Согласно К. К. Гаттенбергеру, используя срочные счета, банки способны расширить денежное предложение, но лишь «увеличивая быстроту оборотов» орудий обмена, а не размножая их.

** В частности, в начале 1970-х годов легко реализуемые активы банков Великобритании должны были составлять 28% средств, размещенных на текущих счетах. В РФ сегодня сумма пассивов по счетам до востребования выступает главным показателем при расчете нормативов мгновенной и текущей ликвидности банков (к счетам до востребования, согласно методологии ЦБ РФ, относятся остатки средств нефинансовых предприятий, индивидуальных предпринимателей, населения на расчетных, текущих, депозитных и иных счетах).

*** К примеру, в США такие нормы стали применяться со времен Великой депрессии. В России дифференциация нормативов обязательных резервов, при которой отдельно выделялись счета до востребования, имела место с 1 февраля 1992 г. по 31 января 1998 г. При этом колебания норм были весьма существенными – от 10 до 22%.

характеру возникновения не предназначены для обслуживания оборота, денежные средства, аккумулированные на них, размещаются на вполне определенный, фиксированный срок, в течение которого кредитные учреждения в полной мере ими располагают. Это обстоятельство делает возможным активное долгосрочное кредитование и «развязывает руки» *банковским учреждениям в размножении депозитов.*

Помимо механизма мультипликации денег у К. К. Гаттенбергера имелось немало ценных и актуальных и сегодня идей. Речь идет, в частности, о его выводе о целесообразности законодательного регулирования соответствия размеров активов («помещений» капиталов) и пассивов банков. Политика регулирования норм обязательных резервов в ее нынешнем проявлении – лучшее подтверждение правоты этого дореволюционного российского ученого-экономиста.

Столь же актуален и его вывод о важности институционального совершенствования банковского сектора страны. По данным К. К. Гаттенбергера, в период с 1862 по 1868 г. один банк приходился: в России – на 2 717 896 жителей, в Северной Америке – на 815 765, в Англии – на 748 730, в Шотландии – на 36 881 жителей страны.¹⁹ На 1 мая 2005 г. в России функционировало 1288 кредитных организаций, имеющих право осуществлять банковские операции.²⁰ Нетрудно сосчитать, что в современной России одно учреждение, осуществляющее банковские операции, приходится приблизительно на 111 490 граждан. Как становится ясно, по количественным характеристикам банковского сектора наша страна в настоящее время хотя и опережает Северную Америку и Англию первых десятилетий второй половины XIX в., но все-таки значительно отстает от Шотландии 1860-х годов.

Однако именно сегодня у нас появилось немало сторонников укрупнения российских кредитных институтов, ускоренной концентрации и централизации капитала в банковской сфере. Эта точка зрения аргументируется по-разному: заботой о сохранности денежных средств вкладчиков и устойчивости кредитных учреждений, необходимостью увеличения темпов прироста показателей банковского сектора, потребностью повышения функциональной роли банков в экономике, важностью обеспечения конкурентоспособности отечественных кредитных организаций в преддверии экспансии на российский рынок банковских услуг зарубежных кредитных институтов и пр. Все эти несомненно важные задачи и многие другие проблемы, по версии авторов подобных аргументов, легко разрешаются либо устраняются именно консолидацией, слияниями и присоединениями кредитных организаций.* На наш же взгляд, практическая реализация рекомендаций, вытекающих из подобного рода аргументации, вовсе не разрешает, а лишь загоняет вглубь накопившиеся в российском банковском секторе проблемы. И сегодня, когда 80% активов сконцентрировано в 90 кредитных организациях,²¹ банковские продукты и услуги далеки от того разнообразия и качественного уровня, которые характерны не для одних только экономически развитых государств; доступ к банковским услугам мелкого и даже среднего бизнеса серьезно сужен. Еще большее ограничение конкуренции, всегда являющееся прямым следствием концентрации и централизации капитала, и вовсе не улучшит, а лишь «законсервирует» сложившееся положение дел. Ныне, по-видимому, важнее не столько укрупнение кредитных институтов страны, сколько создание благоприятной среды для совершенствования институциональной структуры банковского сектора (особенно в регионах), для развития и повышения качества банковских услуг, наконец, формирование равных конкурентных условий для участников рынка банковских услуг.

* Очевидно, что именно под влиянием таких воззрений сформулирована и принята современная версия «Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года».

Современная рыночная экономика не может эффективно функционировать без широчайшего развития кредитных отношений, в которые втягивается все больше и больше субъектов. Это объективно влечет увеличение (хотя и не безграничное) числа кредитных институтов, углубление и усложнение банковской сферы. Благодаря современным технологическим достижениям устойчивыми и результативными могут оказаться не только крупнейшие банковские организации: здесь все зависит от потребности в конкретной банковской продукции в конкретных регионах и от многих других обстоятельств. Словом, для рыночной экономики характерно не только интенсивное, но и экстенсивное развитие банковского сектора, расширение и разнообразие сети кредитных учреждений, которое, на наш взгляд, на определенном уровне ее развития должно происходить не столько на основе увеличения числа собственно банков, сколько благодаря разветвлению новых филиалов и отделений уже действующих учреждений. В то же время необходимо, чтобы эволюция банковской сферы России не только проявлялась в умножении числа банков, но и сопровождалась адекватным улучшением качества банковских услуг, повышением уровня корпоративного управления и контроля, минимизацией банковских рисков, все большей транспарентностью кредитных организаций и т. п. Но все это маловероятно без настойчивого культивирования конкурентной среды в банковском секторе, что и должно стать предметом заботы денежной власти страны.

Трудно не согласиться с К. К. Гаттенбергером и с тем значением для банковского дела вообще и для создания «новых орудий обращения» в частности, которое он, вслед за Г. Маклеодом, придавал взаимному доверию экономических субъектов. События июня-июля 2004 г. в России вновь с особой силой продемонстрировали, насколько страшны для банковского сектора вдруг возникшие паника, сумятица среди вкладчиков, пытающихся любым способом изъять из кредитных учреждений денежные средства. Понятно, что в таких обстоятельствах о широкомасштабной кредитной экспансии банков говорить не приходится. Особенно плохо, если именно денежная власть страны оказывается в числе главных инициаторов кризиса доверия населения страны к банковскому сектору, институтов этого сектора – друг к другу и бизнесу.

В заключение отметим, что в рассмотренном труде К. К. Гаттенбергер не ограничивается демонстрацией механизма мультипликации денег банками. Здесь он обосновывает точку зрения на роль банков в народном хозяйстве, на взаимосвязь банковской деятельности (и даже конкретных операций кредитных организаций) и экономических кризисов, на важность законодательного регулирования ряда банковских операций; вслед за зарубежными экономистами показывает возможности банков по увеличению денежного предложения путем эмиссии банкнот, учета векселей и ускорения обращения денег. На наш взгляд, исследование теоретического наследия К. К. Гаттенбергера может стать определенным вкладом в создание научной истории отечественной экономической науки.

¹ См.: С м и т А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: В 2 т. Т. I. М., 1991. С. 376.

² Б у р л а ч к о в В. К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. М., 2003. С. 33.

³ Цит. по: М а р к с К. Капитал. Т. III. М., 1970. С. 447.

⁴ М а к л е о д Г. Основания политической экономии. СПб., 1865. С. 43.

⁵ Там же.

⁶ См., к примеру: А н т о н о в и ч А. Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. Киев, 1883. С. 42; Б е з о б р а з о в В. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. П. М., 1863–1864. С. 17–18; Г е о р г и е в с к и й П. И. Пособие к лекциям по политической экономии. СПб., 1890. С. 202; К а у ф м а н И. И. Теория и практика банковского дела. Т. I. СПб., 1873. С. 100–104.

⁷ И в а н ю к о в И. Экономическая теория Маклеода. СПб., 1870. С. 135.

⁸ М а к л е о д Г. Указ. соч. С. 76, 286.

⁹ См.: В е с е л о в с к и й М. П. Экономическая теория Маклеода. СПб., 1865; И в а н ю к о в И. Указ. соч.

¹⁰ И в а н ю к о в И. Указ. соч. С. 132.

¹¹ Г а т т е н б е р г е р К. К. Влияние русского законодательства на производительность торгового банковского кредита. Харьков, 1870. С. 136.

¹² Там же. С. 96.

¹³ Там же. С. 93.

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ Рассчитано по: Бюллетень банковской статистики. 2004. № 8 (135). С. 38, 95.

¹⁶ Банки отделились легким испугом // Ведомости. 2004. 6 сент. С. Б1. – Для обеспечения своевременности выдачи изымаемых вкладов ЦБ лишь за 8–9 июля выдал банкам на 25 млрд руб. больше, чем обычно.

¹⁷ Рассчитано по: Бюллетень банковской статистики. С. 37.

¹⁸ См.: Платежные системы в России. М., 2003. С. 61.

¹⁹ Г а т т е н б е р г е р К. К. Указ. соч. С. 48.

²⁰ http://www.cbr.ru/statistics/bank_system/print.asp?file=inform_05.htm

²¹ <http://www.cbr.ru/regions/scripts/Table1.6.asp?RGN=RUSS&Year=2005>

Статья поступила в редакцию 24 марта 2005 г.